

Книга К. Фримэн, написанная с позиций крайнего индивидуализма, показывает, к каким отрицательным результатам в исследовании серьезной исторической проблемы приводит порочный метод, применяемый буржуазными авторами. Фальсифицируя, по существу, историю, эта книга отлично демонстрирует то пагубное влияние, которое имеет современная буржуазная политика на буржуазную историческую науку, тот кризис, который переживает последняя.

М. К. Трофимова

G. GIANELLI, Trattato di storia Greca, 2 ed., Roma, 1951, XV+527 стр.

В рассматриваемой книге флорентийского профессора Джанелли почти половина посвящена библиографии и историографии. Книга начинается с «Введения» (стр. 3—26 и 13 страниц «Общей библиографии»), содержащего методологическое *stredo* автора, разделы о хронологии и географии и краткую характеристику источников. Вся книга подразделяется на шесть частей: в первой части (стр. 39—70 и 11 страниц «Библиографии и проблем») рассматривается археология древнейшей Греции. Крито-микенская культура и в качестве особой главы «Греческая экспансия в Эгеиде»: эта часть охватывает почти целиком гомеровскую эпоху. Часть вторая (стр. 81—165 и 25 страниц «Библиографии и проблем») называется: «Формирование греческих государств и греческая экспансия в Средиземном море»; здесь излагается конец гомеровской эпохи, возникновение и развитие полиса, колонизация и падение власти аристократии, далее следуют главы «Государство Спарты», «Государство Афин» и «Жизнь и культура греков с IX по VI в.». Третья часть (стр. 191—250 и 18 страниц «Библиографии и проблем») охватывает события, начиная с Ионийского восстания и вплоть до 433 г.; здесь же дается очерк культуры «Золотого века Перикла». Часть четвертая — «Войны за гегемонию» (стр. 269—350 и 21 страница «Библиографии и проблем») — является центральной частью книги; здесь рассматривается, как один период, время от начала Пелопоннесской войны и до Филократова мира. Пятая часть (стр. 371—418 и 14 страниц «Библиографии и проблем») называется «Македонская гегемония: Александр Великий»; она охватывает события от Филократова мира и до битвы при Иссе. Часть шестая — «Эллинистическая эпоха и римское завоевание» — содержит четыре главы: «Державы-соперницы на средиземноморском Востоке», «Греция III в.», «Римская интервенция и конец греческой независимости» (с Первой иллирийской войны до битвы при Акциуме) и, наконец, «Эллинистическая культура и эллинизация Востока».

Даже в этом кратком обзоре содержания книги можно заметить некоторые особенности концепции Джанелли; автор явно возвращается к установкам реакционной буржуазной историографии конца прошлого века; центром его внимания являются не Афины, а Спарта и особенно Македония во главе с Филиппом II; именно Македония выступает в книге как высшее достижение древнегреческой жизни. Вместе с тем Джанелли сознательно модернизирует историю афинской демократии. Однако он не идеализирует ее, как это делала прогрессивная буржуазная историография начала и середины XIX в. — Грот, Нибур, Финлей, Бёк и многие другие; Джанелли скорее прижимает к тем модернизаторам, которые изображали афинскую демократию почти в карикатурном виде, в качестве зеркала ненавистной им демократии европейской: здесь он следует по стопам Ю. Шварца, Пёльмана, Дрерупа, Белоха, Кавеньяка и др. Высшим достижением греческой демократии Джанелли считает демократию времен Клизфена, которая, как он полагает, целиком базировалась на установлениях Солона (стр. 151). С реформ Эфиальта начинается упадок политической и общественной жизни, достигающий максимума перед подчинением Греции Филиппу Македонскому.

Джианелли оценивает Афины, Спарту, Беотию, Македонию прежде всего с точки зрения их способности осуществить «национальное объединение» Эллады. Он полагает, что Афины после Архидамовой войны могли бы осуществить эту историческую задачу, если бы там не господствовала радикальная демократия. Осуществил задачу «национального объединения» Филипп II, «один из самых великих людей, которые когда-либо сидели на троне». В эллинистический период Греция была «национально» объединена под властью Антигонидов, а эллинистические монархии представляли близкий к совершенству тип государственного устройства. Такова общая концепция политического развития Эллады. Таковую же модернизацию представляет социальная сторона концепции Джианелли: рабство как определяющий фактор в ней отсутствует.

Основной активной общественной силой является для автора не масса, но избранное культурное меньшинство, особенно если оно возглавляется «выдающейся личностью». Состояние производительных сил весьма мало интересует Джианелли; развитие техники ремесленного производства и сельского хозяйства совершенно не трактуется в книге, археологические данные не привлекаются; очень коротко говорится об эргастериях, об уровне зарплаты свободных ремесленников. Большое значение Джианелли придает, следуя за Белохом, попыткам «статистики» населения, торговле и денежному обороту. Как подавляющее большинство буржуазных историков, Джианелли не понимает классовой специфики древнегреческого общества; социально-экономические отношения он трактует в терминах капитализма; характеризуя «социальное разложение», он говорит о «борьбе классов», в которой «крайние фракции» уничтожают «здоровую демократию», «более деятельное гражданство вытесняется... капиталистической олигархией и пролетариатом».

Но сам автор несколькими страницами выше подчеркивает устойчивость полиса; продолжавшего так или иначе существовать в эллинистическую эпоху. Подобных противоречий, связанных с извращением основных фактов истории древнегреческого общества, в книге встречается не мало. Таковы насквозь идеалистические и тенденциозные установки Джианелли.

Тенденциозность его взглядов рельефно проступает в превозношении монархии, опирающейся на аристократические элементы общества и поддерживаемой мелкой земледельческой собственностью: черты этого своего социально-политического идеала автор находит даже в гомеровском обществе, нисколько не заботясь об исторической перспективе; та же тенденция проступает в характеристике Солона и политических деятелей последующих времен: Мильтиада, Кимона, афинских умеренных олигархов времен Пелопоннесской войны, Филиппа II, Деметрия Фалерского, Антигона Досона, Арата.

Модернизаторская тенденция ярко проступает также в отмеченном выше стремлении выдвигать на первое место проблему «национального объединения» Греции. Нельзя сказать, чтобы «проблема» эта трактовалась в книге отчетливо; с одной стороны, Афинская архэ якобы была близка к разрешению этой «проблемы»; с другой, она была разрешена Филиппом Македонским и Антигонидами. Джианелли как будто не усматривает никакого различия, в смысле характера власти, между Филиппом II и Афинской архэ; между тем коренное различие между этими двумя властями вынужден подчеркивать сам же Джианелли. Что же касается самой «проблемы» «национального объединения» Эллады, то автор даже не пытается вскрыть сущность объединительных движений в античной Греции, особенно же объединения под властью Филиппа II, он «не замечает», что это объединение представляло собой военно-политическую власть внешнего характера над разъединенными полисами Греции и что подобное «объединение» весьма далеко от борьбы народов нового и новейшего времени за национальное объединение и независимость. Таковы тенденциозные и модернизаторские установки, на базе которых Джианелли строит свою концепцию истории древней Греции; они не новы, но представляют собой своеобразный, так сказать, итальянский, вариант современной буржуазной историографии.

Джианелли начинает историю Эллады с выселения предков позднейших эллинов с постулируемой им индоевропейской «прародинь». Около 3000 г. греческие племена отделились от индоевропейского ядра» и через Северное Причерноморье проникли

в Македонию, откуда в начале XXIV в. начали расселяться по Балканскому полуострову, постепенно смешиваясь с местным населением «средиземноморской расы». Дальнейший процесс распространения греческих племен прослеживается на основании диалектологических данных, причем автор считает, что диалектологические различия между древнегреческими племенами сложились еще до их расселения на Балканском полуострову; вторжение дорийских племен в Пелопоннес в конце гомеровской эпохи Джанелли вслед за Белохом отрицает. «Северо-западные племена», позднее получившие название дорийских, проникли в Арголиду в XVII или даже в XVIII в., распространились позже по восточной части Пелопоннеса и вступили в борьбу с обосновавшимися здесь около 2000 г. эолийскими племенами. В Мессению же дорийцы, по мнению автора, проникли только в VII в. Название ахейцев Джанелли склонен относить, в некотором противоречии с его собственными взглядами, только к населению Пелопоннеса микенского времени. Эта концепция представляет собой странное смешение старых, традиционных представлений буржуазной историографии с «новшеством» Белоха (отрицание дорийского вторжения) и с «новшествами» самого автора, вызывающими, по меньшей мере, большие сомнения. Можно ли считать, что отдельные греческие диалекты сложились еще до переселения греческих племен на Балканский полуостров и, в связи с этим, можно ли объяснить распределение древнегреческих диалектов только миграциями? Естественно предположить, что развитие этих диалектов зависело от внутренней жизни племен. Этих основных вопросов Джанелли не ставит; он основывается не на серьезных трудах по древнегреческой лингвистике и филологии (например, Thumb'a, Meister'a, Collitz'a, Bourguet), а прежде всего на работах Белоха и других историков. Вряд ли можно обосновать диалектологически (не говоря уже об исторических данных) утверждение автора о проникновении дорийцев в Мессению только в VII в.; это парадоксальное утверждение ничем не обосновывается; между тем в работах филологов указывается на наличие многих коренных доризмов в языке мессенцев. Такие доризмы не могли образоваться к V—IV вв. до н. э. в силу полной бытовой разобщенности спартанцев и мессенцев.

В разделе «Библиография и проблемы» (стр. 73 сл.) Джанелли в числе прочих аргументов против историчности переселения дорян приводит высказывание Белоха, что об этом переселении нет упоминаний в гомеровском эпосе. Но именно это обстоятельство говорит против тезиса Джанелли и Белоха; ядро гомеровских поэм, отражая микенскую эпоху, должно было бы сохранить воспоминания о грандиозной миграции ахео-дорян в XVII—XVI вв. Следует вспомнить также о том, что еще Бузольт указал на фрагмент Тиртея, в котором говорится о переселении дорян¹; о таком свидетеле, как Тиртей, умалчивать нельзя. Наконец, Джанелли одним росчерком, пера уничтожает всю традицию о мессенских войнах.

В характеристике древнейшей критской культуры Джанелли подчеркивает негреческий характер автохтонного населения Крита; говоря вскользь об общественно-политическом развитии Крита в «среднеминойскую» эпоху, он предполагает, что здесь существовали не только роскошные резиденции «суверенов», но и множество полисов. Правда, автор указывает на различие между «старыми» микенско-гомеровскими полисами и «новыми», развившимися во время колонизации, но не устанавливает, в чем состояло это различие. Однако, во-первых, нельзя отождествлять микенские поселения с родовыми поселениями гомеровской эпохи: основной ошибкой здесь является представление о тождестве гомеровской и микенской эпох; во-вторых, микенские поселения мы тоже не можем назвать полисами, поскольку микенская археология свидетельствует лишь о существовании примитивно классовых отношений. Кстати говоря, археология еще до сих пор не обнаружила ни одного микенского города, а тем более полиса.

Микенский период связывается автором с вторжением «северо-западных» племен в Пелопоннес (ок. 1700 г.); носителями микенской культуры, по мнению Джанелли, были ахейцы, принесшие основные элементы позднейшего исторического развития

¹ G. B u s o l t, Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaironea, Gotha, 1893—1904. т. I, стр. 204.

Греции. Здесь у всякого читателя должны возникнуть недоумения; а каковы же были взаимоотношения ахейцев с «северо-западными» племенами? Какие племена создали дворцы и поселения в западной Мессении и у древнего Пилоса? Кстати, об этих важнейших археологических открытиях в книге совершенно не упоминается. Ахейцы захватывают Лаконию, Крит, распространяются по берегам Малой Азии и даже Сирии; но, как заявляет Джанелли, Мессения остается не затронутой этой экспансией. По Джанелли, социально-политический строй микенского периода почти адекватно отражен в поэмах Гомера; не адекватными являются лишь черты, заключающиеся в позднейших вставках. Но в книге не разъясняется, чем конкретно общество гомеровских поэм не адекватно микенскому. Между тем различия между этими обществами весьма существенны, и никакие позднейшие интерполяции не могут объяснить преобладание основных различий над частными сходствами.

Автор изображает и гомеровское и микенское общество, как состоявшие из γένη, объединяющихся во фратрии и племена. Политически это общество представляет собою, в глазах Джанелли, наследственную монархию, опиравшуюся на герусию (совет представителей γένη), причем эта монархия отражала и волю народа; автор высоко оценивает этот постулируемый им социально-политический строй, который находит якобы в позднейшей истории Греции свое воплощение в лучших сторонах македонской монархии и монархий эллинистических. Нет необходимости доказывать, что гомеровские басилевсы имеют весьма мало общего с наследственными монархами и что подобные спекуляции политическими терминами говорят только о методологической беспомощности и политической тенденциозности автора.

Характеризуя гомеровское общество, Джанелли подробно развивает теорию происхождения родов, фратрий и фил. Он считает, что γένη были наиболее поздним звеном общественного развития; изначальной ячейкой являлась семья; в борьбе за существование семьи объединялись во фратрии; фратрии, в свою очередь, разрастаясь и объединяясь в филы, выделили объединения семей в виде γένη, в которых объединились «наиболее сильные, интеллигентные, ценные семьи; эти семьи закрепляли свое превосходство на прочной базе землевладения, особенно благодаря дальнейшему развитию военного искусства, что давало только наиболее богатым возможность добывать и содержать лошадей и дорогое оружие» (стр. 85). Эти то γένη образовали аристократию; остальные, более слабые, элементы создали внутри фратрий религиозные союзы — фиасы, члены которых назывались οἰεῖνες.

Говорить теперь о семье, как об изначальной ячейке родового общества, а по Джанелли также и государства, продолжая повторять отвлеченно-теоретическое построение Аристотеля, значит открыто демонстрировать свое невежество. Это значит игнорировать обширную марксистскую и даже прогрессивную буржуазную научную литературу, исследующую массовые этнографические и археологические данные. Гомеровское общество представляется нам организованным не столько по родам, сколько по большим патриархальным семьям; это общество периода разложения родового строя, в котором род рисуется как уходящее древнее, а не как недавно возникшее учреждение; к тому же гомеровские поэмы не содержат никаких данных о том, что только знать сохраняла прочную родовую организацию, а рядовая масса объединялась в религиозные союзы внеродового характера, как это утверждает Джанелли; ни на чем не основано и его утверждение, что фиасы существовали уже в гомеровскую эпоху. Наконец, совершенно невозможно согласиться с заявлением автора, что в гомеровское время существовала частная собственность на землю, принадлежавшую якобы отдельным семьям. Наоборот, всюду в поэмах проступает коллективное, родовое право на землю. Именно здесь особенно необходимо различать отражения в поэмах общественных отношений микенской и собственно гомеровской эпохи.

Падение монархии и возникновение аристократических республик к VIII в. до н. э. характеризуется Джанелли в виде захвата власти развившимися γένη знати: «Народ, который в последней фазе монархического периода находил в царе естественного союзника в общем сопротивлении знати, стремящейся к власти, был угнетен и

подавлен ... он был исключен из всякого участия в управлении, отчасти потому, что все магистратуры были предоставлены знатным, отчасти же в силу недостатка экономической независимости, необходимой для осуществления любой политической деятельности» (стр. 87). Эта тенденциозная характеристика получает дальнейшее развитие в схеме развития полиса. Полис вырастает, по Джанелли, из резиденций микенско-гомеровских царей. По мере падения монархий полис превращается в резиденцию победившей знати, которая сохраняла свою родовую организацию и была главным организатором полиса. «По примеру знати» и другие городские элементы, преимущественно неимущие, обосновались в городе, где они находили работу и постепенно превращались в купцов и ремесленников (стр. 89).

Таким образом, для Джанелли полис являлся прежде всего центром власти знати, лишь позднее приобретшим значение экономического центра. Это явное противоречие связано прежде всего с непониманием того основного факта, что появление полиса являлось историческим рубежом, отделявшим доклассовое родовое общество от классового рабовладельческого, и что полис возникает не как место господства родовой знати, а как центр консолидации внеродовых рабовладельческих элементов.

В силу этого нельзя согласиться с пониманием у Джанелли синойкизма как результата военной победы крупнейшего полиса над окружающими мелкими. В древнегреческом представлении о синойкизме резко подчеркнут момент переселения, а не военных действий; и это представление хорошо освещает основной факт появления полиса как центра развития новых производительных сил и формирования новых производственных отношений.

Дальнейшую судьбу полиса Джанелли связывает с окончательной победой аристократии над монархией и со временем колонизации. Борьба между крупными и мелкими полисами привела к разгрому мелких и к превращению населения побежденных полисов в «рабов, крепких земле» (*servi della gleba*), что воспрепятствовало уже намечавшемуся тогда «политическому объединению» греков. В этой плоской концепции отчетливо сказывается психика итальянского мелкобуржуазного поборника «демократической монархии», типичным представителем какой является Джанелли. В главе «Падение гомеровской монархии; полисы и амфикионии» автор непропорционально много внимания уделяет амфикиониям и другим объединениям полисов.

Модернизаторски изображаются автором и противоречия в греческом полисе времен колонизации; он пишет: «Так как мелкая собственность шла к упадку, латифундии тем самым укреплялись»; после падения монархии, которая якобы сдерживала проявления социального неравенства, «... презрение аристократии к физическому труду создавало все более полный разрыв между знатными владельцами латифундий и униженными и презираемыми тружениками» (стр. 94).

В дальнейшем эти угнетаемые труженики превращаются в демос, весьма похожий, согласно Джанелли, на «третье сословие» или «буржуазию». Наряду с демосом в полисах накапливались и бедняки, *жакот* или «*popolo minuto*», как характерно выражается Джанелли. Здесь же автор постулирует уже для VIII в. широкое распространение «латифундий», на которых трудились рабы, и исчезновение мелкой земельной собственности. Грубое искажение социально-экономического развития Греции IX—VIII вв. не требует особых комментариев. Оно свидетельствует об отсутствии исторического мышления у современных буржуазных историков. Какие же «латифундии» могли существовать, например, в Коринфе, Мегарах, Арголиде, на островах Эгейды? Помимо того, что в существующих источниках не имеется никаких намеков на «латифундии», сама география и топография этих местностей вопиют против подобных утверждений. Если бы Джанелли сослался на Фессалию, Эвбею, Спарту, Элиду, Крит, то даже и для этих областей нет никаких указаний на «латифундии» с рабским трудом; кроме того, эти области представляют особый отсталый тип развития рабовладельческого общества Греции. Что же касается Аттики VII в., то даже сведения «Афинской политики» Аристотеля никак не позволяют говорить о существовании «латифундий» с применением рабского труда, ибо *брос* четко свидетельствуют о сохранении отдельных наделов. Картину концентрации земли на праве частной бур-

жуазной собственности, которую постулирует Джианелли, надо целиком и полностью отбросить вместе с его мелкобуржуазной идеализацией мелкого землевладения.

Глава о Спарте представляет собой беглый очерк происхождения государства путем завоевания «ахео-дорянами» в XIV в. Лаконики и основания самой Спарты в X в.; непонятна эта безоговорочная датировка Джианелли, так как раскопки алтаря Афины-Орфии дают материал, датируемый не ранее IX, а вероятно, VIII в. Еще более непонятно перенесение государственного центра из Терапны в Спарту, если отрицать вместе с автором переселение дорян. Традиционная характеристика «ликурговой» Спарты искажается и осложняется здесь же сообщаемыми данными о позднейшей дифференциации спартиатов; получается ложное впечатление, что дифференциация эта началась весьма рано; повидимому, здесь мы имеем дело с некоторой данью авторитету Белоха, утверждающего, что илоты и периэки появились в Спарте не в результате завоевания, а «естественного» развития. Неправильно утверждение, что историческая Спарта как монархия была уже известна Гомеру. Основное место в главе занимает изложение возникновения якобы в результате ряда договоров, а не завоевания Пелопоннесского союза, оцениваемого автором, как главная сила, возглавившая «национальную» оборону греков против персов. Джианелли сознательно идеализирует Спарту, умалчивая о двусмысленности ее поведения на всех главных этапах Греко-персидских войн.

В Аттике Джианелли находит ту же социально-политическую эволюцию, какую он обрисовал выше для всей Греции. В Афинах должностные лица из эвпатридов устраняют царскую власть и закабаляют сельскую трудовую массу. Параллельно идет развитие демоса, вступающего в борьбу со знатью. Реформа Драконта характеризуется традиционно, как первая запись права и жестокое законодательство; странно, что, упомянув о сохранившемся известном эпиграфическом фрагменте законов Драконта, автор совершенно не использует этого ценного источника, столь ярко характеризующего силу родового уклада в социально-политическом строе Аттики VII в. В деятельности Солона Джианелли решительно отвергает всякое революционное начало. Автор стремится изобразить Солона как апостола мелкой крестьянской собственности, мудрого представителя власти средних слоев общества. Характерно для монархических симпатий Джианелли то, что отрицательной стороной реформы Солона он считает отсутствие достаточно сильного органа центральной власти. Никаких попыток привлечь новый материал или по-новому пересмотреть старый Джианелли в данной главе не делает; между тем такой новый материал можно найти в речах Демосфена, например: «Против Тимократа» и «Против Лептина», которые содержат много весьма ценных, фактически неиспользованных упоминаний о законодательстве Солона.

Времени Писистрата и Писистратидов уделяется много внимания; Писистрат оценивается весьма положительно, главным образом потому, что он укрепил мелкую «крестьянскую» собственность в Аттике и что власть его скорее походила на монархию, чем на тиранию. Особенностью изложения этого периода является отнесение к нему «Килоновой смуты», вместо обычно принимаемой датировки этого события 641 г.; в этом Джианелли следует де-Санктису, но аргументация такой датировки мало убедительна; и Аристотель и Фукидид достаточно ее опровергают.

В ряду «великих» деятелей Аттики Клизфен занимает у Джианелли сравнительно скромное место. Абсолютно не анализируется социально-политическая борьба, с которой был связан приход Клизфена к власти, не оцениваются ни междугреческие, ни греко-персидские отношения. Совершенно не подчеркивается тот окончательный разрыв с родовым прошлым, который Энгельс квалифицировал как революцию. Как раз наоборот, — по Джианелли, после реформы Клизфена в Аттике создан наилучший тип демократии, основанной на цензовом строе Солона. Во внутренней истории Аттики Джианелли следит главным образом за борьбой «фракций» знати — Филаидов (Мильтиад, Кимон) и Алкмеонидов. В изложении хода событий затушевывается все, что компрометирует Спарту, как несомнительную политику «национальной» обороны; в частности, обойдена молчанием измена Павсания, который ставится на одну доску с Фемистоклом, поскольку оба они изображаются как соперники в стремлении добиться

гегемонии над Элладой. Столь высокая оценка Павсания основывается, повидимому, только на антидемократической тенденции автора. Это подчеркивается превозношением Кимона, который соединял якобы подлинный патриотизм афинянина с глубоким уважением к Спарте.

Соответственно характеризует Джианелли и афинскую демократию «золотого века Перикла». Перикл изображается как главная сила, направляющая развитие этой демократии. Ошибкой его Джианелли считает допущение «диархии массы и ее демагога». Это сказалось, когда Перикл перешел в конце своей деятельности к более умеренной политике; масса его свергла. Джианелли повторяет антидемократические тирады Платона и Аристотеля о разнузданном коллективном тиране, заявляя, что это свойственно «всякой радикальной демократии».

Резко отрицательная оценка афинской демократии ярко отображает социально-политическое лицо самого Джианелли; свою боязнь народной массы, трусливое игнорирование ее творческих сил Джианелли переносит на афинскую демократию, забывая всю ее рабовладельческую специфику. Тот же страх, с другой стороны, заставляет Джианелли искать спасения в идеальной «надклассовой» монархии. Эти установки проводятся еще резче в характеристике Пелопоннесской войны и событий IV в. Подчеркивая безусловную агрессию Афин, основанную на превосходстве материальных ресурсов, Джианелли считает, что это превосходство обесценивалось морально-политическими пороками демократии. Только «олигархи 411 г. выдвинули программу, якобы наилучшим образом удовлетворяющую идеалы республики свободных людей; в этой программе отсутствовал вкус к экспансии и к империи» (стр. 301). Разгром Афин был непоправимым результатом господства афинской радикальной демократии.

Вся четвертая часть, охватывающая события от начала Пелопоннесской войны до Филократова мира, в сущности, является иллюстрацией этого основного положения; такое «новшество» в периодизации весьма показательно: период «социального разложения» сменяется после 346 г. следующим периодом — своего рода возрождением под сенью македонской монархии. Притом Джианелли заявляет, что «IV век был наиболее греческим из всей истории греческого народа» (стр. 344), из чего следует, что «социальное разложение» является наиболее характерной чертой развития древнегреческого демократического общества. В этой части Джианелли наиболее откровенно высказывает свои политические взгляды. «Тоталитарное государство есть крайнее заострение демократии и, в конечном анализе, ее отрицание; демос, потеряв из виду естественные границы своей власти, превращается из правителя в своего собственного тирана». В этих антинаучных модернизациях выпукло проступает идеолог буржуазии, ненавидящий не только подлинную демократию, открывающую путь к власти трудовых масс, но резко отворачивающийся теперь от всякой демократии вообще.

Проводимые в работе Джианелли взгляды являются специфически итальянским вариантом борьбы буржуазии против демократии и социализма; опыт фашистской диктатуры заставил часть мелкобуржуазной интеллигенции искать идеала в «демократической» монархии, которая возглавляла бы мелкособственническую Италию.

В жертву своим классовым установкам Джианелли приносит даже свой научный интерес к античной Греции; приведенная выше цитата свидетельствует о нарочитом игнорировании даже тех основных данных об афинской демократии, которые в другом месте сообщает сам автор; он забывает свою положительную оценку роли «афинской империи», свою положительную характеристику даже таких вождей демократии, как Клеон или Гипербол. Он забывает о ряде таких политических фигур IV в., как Демосфен, Гиперид, Ликург и многие другие, которые никак не могут быть совмещены с «тоталитарным государством». И неслучайно в разделе о борьбе Филиппа II с Афинами имя Демосфена упоминается только несколько раз, тогда как дифирамбы македонскому царю занимают целые страницы.

Как бы в качестве эпиграфа ко всей этой части Джианелли приводит слова Белоха о Филиппе: «Один из самых великих людей, которые когда-либо сидели на троне»; Филипп — монарх «первого греческого национального государства», воплотившего

любы панэллинские идеалы IV в. Такая трактовка, не внося абсолютно ничего нового в науку, является для буржуазного историка шагом назад к немецкой реакционной историографии конца XIX—начала XX веков.

Поверхностно излагается время Александра Македонского, который рассматривается только как продолжатель Филиппа, как организатор «мировой македонской монархии»; в своем преклонении пред «идеальными» чертами этой монархии Джанелли совершенно не замечает, что монархия эта ни в какой мере не может быть названа «македонской», не замечает всей эфемерности этого политического конгломерата. Борьбе диадохов автор уделяет непропорционально много места, но не только не вносит политической ясности в эту борьбу, а наоборот, извращает ее характер, называя ее «гражданскими войнами в македоно-персидском государстве». Саму эллинистическую эпоху Джанелли определяет словами Лакера: «преодоление партикуляристического политического мышления и его подчинение смыслу и значению общей греческой культуры». Этому идеалистическому, лишенному четких научных критериев определению вполне соответствует тенденциозная и поверхностная трактовка всего раздела эллинизма.

Внешнеполитическая история III—II вв. дается в полном отрыве от социальных фактов. Ламийская война излагается после главы о борьбе диадохов; борьба с Македонией излагается вне связи с социально-политической борьбой в Спарте, которая в свою очередь дается очень поверхностно. Арат изображается как главный борец за свободу Греции! Соответственно с этим Антигон Досон, по Джанелли, объединяет Грецию «в настоящее единство свободного народа под гегемонией Македонии». В характеристике эллинистических государств все внимание автора сосредоточено на показе «идеальных» черт монархической власти. «Абсолютная монархия на божественном праве была повторением монархии гомеровской, но она не была привилегией какой-либо касты, связанной с немногими династиями; она была открыта для каждого, кто умел захватить ее, благодаря своим способностям» (стр. 464). Джанелли любуется силой и полнотой абсолютизма эллинистических царей, опиравшихся на преданное им войско. Нет необходимости доказывать, что подобная «концепция» эллинистических монархий совершенно извращает реальную социально-политическую обстановку эллинистической эпохи и сверх того противоречит собственным же высказываниям Джанелли; в этом же разделе, например, мы находим характеристику резких социальных противоречий (конечно, опять таки модернизируемых под капиталистические), указание на прямое экономическое, политическое и культурное значение многочисленных городов. Если вспомнить значительную политическую автономию этих многочисленных городов, образовавших *χώρα πολιτική* — «политически-правовую территорию», и учесть факты напряженной внутренней борьбы в эллинистических монархиях, то от «концепции» Джанелли останется только его преданность идее «демократической» мелкобуржуазной монархии.

Вызывает удивление почти полное отсутствие характеристики социально-экономического строя эллинистического Египта, также как и весьма незначительное (пропорционально общему объему книги) место, отводимое культуре. Эллинистическую культуру Джанелли оценивает попросту малограмотно; автор говорит, что в эллинистических городах развивалась синкретическая эллинско-восточная культура; но эта городская культура была подавлена обширным массивом азиатского и африканского варварства, простиравшегося за пределами городских стен (стр. 464).

О каком азиатском и африканском «варварстве» говорит Джанелли, трудно понять; ведь он же сам констатирует влияние восточной культуры, созданной теми самыми народными массами вне стен эллинистических городов — массами, которым он приписывает «варварство». — Это утверждение не считается с общеизвестным фактом чрезвычайной устойчивости эллинистической культуры, сохранившейся в восточных провинциях Римской империи и продолжавшей, в известной мере, влиять на развитие Византийской империи. Вообще следует отметить весьма малое внимание автора также и к истории эллинистической культуры классического периода; этот исключительный в культурной истории человечества период автор бегло характеризует на двух-трех страницах.

Что касается историографической и библиографической части книги, то надо прежде всего отметить решительное преобладание библиографии над историографией; строго говоря, почти вся эта часть представляет собой более или менее широко аннотированную библиографию, переходящую в отдельных местах в экскурсы типа подстрочных примечаний. Вообще же исследовательских экскурсов библиографическая часть книги содержит мало. Собственно библиография достаточно полна и хорошо размещена, так что может служить неплохим справочным пособием. Но и здесь следует указать на значительные пропуски; например, в разделе греческого права отсутствуют такие основные книги, как работа *Hirzel, Themis, Dike und Verwandtes*; *Ἄγραφο νόμος*; по истории греческого алфавита — основная работа: *Kirschhoff, Geschichte des griechischen Alphabets*; по истории Спарты не названа старая, но важная трехтомная работа *G. Manso*.

Характерной чертой рассматриваемого раздела книги является полное отсутствие упоминаний о трудах русских ученых; нам нет необходимости указывать на тот громадный вклад, который внесла русская наука в науку об античности, в частности в изучение древней Греции. Необходимо только отметить, что прогрессивная зарубежная историческая наука давно уже изучает труды русских ученых, так что и в этом отношении, как и в других, книга Джиаелли является ярким показателем упадка буржуазной историографии, возвратом к наиболее антинаучным и реакционным ее построениям.

А. К. Бергер

För. CORNELIUS, Geschichte des alten Orients. Griechische Geschichte. Römische Geschichte, Stuttgart — Köln, 1950, 129+115+151 стр.

Рецензируемые книги западногерманского историка Корнелиуса вышли в серии для самообразования «Aus Kultur und Geschichte», начатой в конце 30-х годов Шеффером. Основная часть этих очерков, посвященная истории Германии от первобытных времен вплоть до «третьего рейха», была написана в явно фашистском духе и поэтому восторженно встречена гитлеровской печатью. В числе авторов серии находился известный апологет германского империализма П. Рорбах, а также другие видные гитлеровские сановники. Для политических установок этой серии показателен также характер другого предпринятого Шеффером много томного издания — «Преобразования права и хозяйства» — своего рода «энциклопедии» гитлеровского государственного права, в которую входили такие, например, «труды», как «Основы национал-социалистского учения о праве», «Учение о наследственности и расах» и т. п.

Кандидатура Корнелиуса в качестве автора очерков по древней истории также не случайна. Еще в 1925 г. Корнелиус выпустил объемистую книгу под названием «Мировая история и ее ритм», целиком построенную на антинаучных «принципах» циклического развития общества, проникнутую маховым идеализмом и открытой поповщиной. Корнелиус утверждал в этой книге, что «целью исторического развития является не лучшее будущее, а ты сам, каким хочешь иметь тебя бог»¹.

Кликушество Корнелиуса отражало в те годы истерическую растерянность немецкой мелкобуржуазной интеллигенции перед лицом поражения Германии в первой мировой войне. Уже эта книга Корнелиуса была пропитана звериной ненавистью к народным массам и страхом перед ними. Не умея и не желая понять смысл происходящего на его глазах крушения капитализма, Корнелиус утверждал, что «взбесившаяся масса, в опьянении властью (ее видела уже Парижская Коммуна) поджигающая двор-

¹ «Die Weltgeschichte und ihr Rhythmus», München, 1925, стр. 383.